

Вячеслав САВАТЕЕВ

г. Москва

1941 – 1945

**«СУРОВАЯ
СОЛДАТСКАЯ
ПРАВДА»**

(о военной прозе «оттепели»)

1

В середине 1950-60-х годов прошлого столетия сложился целый пласт литературы, характерными чертами которого было стремление представить войну не в розово-романтических тонах, а во всей ее пугающей реальности, с кровью и страданиями, с бытовым неустройством, психологическими сломами, душевным и духовным опустошением. Это был шаг вперед в художественном развитии нашей литературы в целом, и военной прозы в частности.

Среди нового военного «призыва» русской литературы были имена известных писателей Михаила Шолохова и Андрея Платонова, Василия Гроссмана и Константина Симонова, новые имена – Юрия Бондарева и Василия Быкова, Михаила Алексеева и Виктора Астафьева, Александра Солженицына и Владимира Богомолова, Константина Воробьева и Григория Бакланова... Этот пласт, сразу занявший свое заметное место в русской литературе, в критике и литературоведении получил название «лейтенантская проза», его отличительным художественным принципом была так называемая «окопная правда». Названия весьма условные, но все же достаточно характерные, примечательные.

Юрий Бондарев писал о «новой волне» военной прозы: «Сила и свежесть новых книг была в том, что, не отвергая лучшие традиции военной прозы, они во всей увеличительной подробности показали «выраженья лица» солдата и стоящие насмерть «пяточки», плацдармы, безымянные высоты, заключающие в себе обобщения всей окопной тяжести войны». Нередко эти книги несли «заряд жестокого драматизма», нередко их можно было определить как трагедии, главными героями их являлись солдаты и офицеры одного взвода, роты, батареи, полка, – «независимо от того, нравилось это или не нравилось неудовлетворенным критикам, требующим масштабно широких картин, глобального обзора». В этих книгах было меньше поверхностной иллюстративности, в них отсутствовала «даже малейшая дидактика, умиление, рациональная выверенность, подмена внутренней правды внешней». В них была «суровая солдатская правда».¹

Критик Виктор Чалмаев справедливо отмечал, что творчество самого Юрия Бондарева было «вызовом официальной эстетике», что его проза – с ее вниманием к человеку, к краскам природы, деталям, точному и яркому слову и т.п. – была «формой сопротивления обезличению, стандартизации человека и

фактически обескровливанию, слепоте искусства».²

В первой повести Бондарева «Юность командиров» (1956) фронтовик Дроздов после просмотра фильма говорит: «Все пригладили и прилизали /.../. Представляю, как лет через двадцать-тридцать люди будут смотреть эту картину и удивляться: неужели такая игрушечная была война? Сплошное «ура!» и раскрашенная картинка для детей. Стоило герою бросить гранату на высоту, как немцы разбежались с быстротой страусов. Разве так было? Немцы дрались до последнего, а мы все-таки брали высоты /.../. Война – это пот и кровь. А герой – это работа. Этого бы только не забывать»³. И сам Бондарев, работая над своими произведениями, пытался уйти от «приглаживания» и «прилизывания», рассказать о войне трудную и горькую правду.

Наиболее зрелое произведение писателя того времени – повесть «Батальоны просят огня» (1957), она насыщена мыслями о жизни и смерти, о противостоянии человека крайним обстоятельствам, о страхе и его преодолении, о нравственном и психологическом выборе человека на войне. Иногда самый простой, даже ординарный поступок, но освещенный жертвенностью, становится подвигом. Во имя жизни и будущего, во имя других, которые с тобой рядом и которые, возможно, далеко от тебя, но связаны с тобой невидимой нитью. В годы войны человечность становится тем особым благородным металлом, который дороже золота и которым каждый расплачивается за самое право называться человеком.

* * *

Война как подвиг и как трагедия – две стороны, которые во многом неотрывны друг от друга. Полной чашей военного лиха отмеряет своему герою Андрею Соколову Михаил Шолохов в рассказе «Судьба человека» (1956). И трудные будни, и жестокие бои, и плен, и освобождение, возвращение к мирной жизни... Нет, говорят некоторые, во всем этом неполная правда, потому что герой, побывавший в немецком плену, должен был отсидеть свое в нашей тюрьме... С некоторых пор таким стал некий норматив, по которому измеряют уровень жизненной и художественной правды. Однако как всякий норматив он неверен. И в этой связи следует признать, что шаламовский рассказ «Последний бой майора Пугачева», как бы написанный по указанному либеральному нормативу, ни в коей мере не «отменяет», не перечеркивает рассказ Шолохова «Судьба человека», как бы это ни хотелось кому-то. Правда многогранна и многомерна. Концепции человека у Шолохова и Шаламова различны, но они не

исключают, а дополняют друг друга. У их героев разные судьбы, но и Андрей Соколов, и майор Иван Пугачев – русские характеры, они мужественны, самоотверженны, у них много общего.

* * *

Критик Юрий Селезнев выделял два типа конфликта, которые имели место в «лейтенантской прозе». Один, центральный, конфликт – между «нашими» и врагами. Но нередко не он движет сюжетом. Внутри этого главного конфликта сталкиваются еще, как правило, и «свои», но внутренне чуждые люди, делающие одно дело, но по-разному, и поэтому по-разному проявляющие себя в тот момент, когда решается вопрос о действии «не по приказу, а по совести»⁴. У Василя Быкова это был часто конфликт между «людьми совести», с одной стороны, и «душевно близорукими», эгоистами, нравственно нечестоплотными людьми, с другой, что особенно остро проявляется в экстремальных условиях войны. Писатель считал, что литература должна не переставая «бить в свои колокола, настойчиво пробуждая в людях потребность в высокой духовности...»⁵. Быков сам признавал, что его интересовала «не сама война, даже не ее быт и не технология боя», но то, что «в войну стояло за героизмом, питало его, было его почвой». Основное его внимание привлекают внутренний мир человека, возможности его духа, глубинные мотивы поступков персонажей⁶.

Условия войны проявляется как лучшее, что заложено в человеке, воспитано в нем людьми, школой, армией, так и душевная гниль... Здесь ценятся не красивые слова, не эгоизм, а человеческая порядочность и самоотверженность, – как у медсестры Люды или бойца якута Попова (повесть «Третья ракета», 1961). Попов плохо говорит по-русски, кажется непрактичным, в чем-то неуклюжим. Но он проявляет благородное бескорыстие, искренний, непоказной альтруизм, и это словно «подсвечивает» образ, притягивает к нему читателя.

Искусство быковской прозы – в ясности, четкости, прозрачности, при всей психологической сложности героев, нравственных коллизий, как правило, очень острых, непримиримых. Часто это – мотив плена, «западни», бегства, ситуация, которая обнажает самый нерв характера. Бегство из плена является «моментом истины», который становится проверкой, испытанием на прочность, преображением... Такое преображение происходит, в частности, с героем повести «Западня» Климченко...

2

Война – тема онтологическая, поэтому она неотрывно связана с жизнью и смертью, с проблемой человеческого бытия. Но у изголовья жизни стоит любовь. Высокая, жертвенная любовь и – любовь простая, человеческая, грешная. Казалось бы, на войне не до романтических историй, любовь здесь – лишь мгновенная вспышка, «отвлечение» от крови и страданий, «баловство», без которого можно обойтись. Но на войне как музы не молчат, так не «молчит» и любовь, самое светлое и необходимое чувство. И без него нельзя обойтись, потому что оно дает надежду, веру.

Тема любви часто присутствует в творчестве многих, если не всех, писателей – авторов «лейтенантской прозы». И, конечно, не для «оживляжа», не для того только, чтобы дать читателю «отдохнуть» от тяжелых, трагических впечатлений и ситуаций, которыми полна проза о войне. А потому, что иначе рассказ о жизни на войне был бы неполным и неправдивым. В немалой степени это относится к творчеству Виктора Астафьева. Одной из первых книг, в которых писатель заговорил о войне, была повесть «Звездопад» (1960).

Центральный ее герой – Миша Ерофеев, девятнадцатилетний раненый солдатик; он лежит в госпитале, лечится, зубоскалит с такими же, как он, бедолагами... Всюду жизнь, и среди боли и страданий в нем пробивается чувство, нежность, любовь. Но его чувство эгоистично: увлекшись, он едва не переступает моральный порог в своих отношениях с девушкой, у которой душа-распашонка... Повзросление героя происходит одновременно с пробуждением чувства ответственности. Он отказывается принять жертву, на которую готова Лида, герой проходит своеобразную проверку на подлинное человеческое чувство. Он подтвердил свое право называться мужчиной. Война – это не только фронт, не только героические подвиги, но и моральные победы над собой. Такой вывод делает для себя читатель.

* * *

Одной из особенностей нашей «лейтенантской» прозы является то, что в ней подвиг изображен зачастую «повседневнее, индивидуальнее, незаметнее, как бы «меньше» и «тише» своего эталонного образца». И, по мнению критика Игоря Дедкова, «именно через такой подвиг писатель показывает будничные героические усилия народа, глубочайшую нравственность его существования в трагических обстоятельствах конкретного времени и конкретного малого пространства. Его выстаивающую, побеждающую человечность»⁷.

В значительной мере это относится и к военной прозе Константина Воробьева. «В литературе, условно говоря, не страшно быть «убитым» – страшно быть «без вести пропавшим», – метко сказал В. Чалмаев. На какое-то время К. Воробьев, казалось, был таким «без вести пропавшим». Он тяжело переживал свою «неуслышанность»⁸.

В личном жизненном опыте писателя были первые годы войны, смерть товарищей, плен, немецкий концлагерь, бегство из него. Все это жило в нем, требовало своего выхода, своей формы художественного воплощения.

Наиболее яркая и зрелая вещь Константина Воробьева – повесть «Убиты под Москвой» (1961). Первое же столкновение роты курсантов с реальностью – и осознание, что война – это прежде всего тяжкая, изматывающая работа. Не случайно одна из первых сцен повести – рытье окопов.

Напомним, Ю. Бондарев говорил, что «война – это пот и кровь» и что «герой – это работага».

Герои Воробьева учатся воевать, а воевать с танками противника надо уметь: его бутылкой с бензином в лоб не возьмешь, надо ждать, когда он «репицу свою подставит тебе», так как там мотор спрятан. И дело не только в технике, нашим бойцам приходится делать и более важные открытия – ведь перед ними теперь немцы «настоящие, живые, а не нарисованные на полигонных щитах». Эти уроки и открытия на войне так важны, без них не победить.

Дедков писал, что К. Воробьев «не был каким-то особенным, из ряда вон выходящим мастером языка и психологического анализа, однако в нем была иная, привлекательная, неординарная сила, которая действительно выделяла его произведения среди многих... Эта «неординарная сила», эта «тайна» – в неподдельности судьбы и того жизненного опыта писателя, которая улавливается за всем, что порой выше «из ряда вон выходящего мастерства», что отличает его от других писателей.

3

Лев Толстой называл войну преступлением, но он при этом не уравнивал ни исторически, ни морально две противоположные стороны, участвовавшие в Отечественной войне 1812 года, французскую и русскую армии. Как подлинный патриот он убедительно объяснил глубокие истоки нашей победы над французами, на которых обрушилась неодолимая мощь «дубины народной войны», освободившей родную землю от захватчиков.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов также была войной справедливой, освободительной, и поэтому нельзя не видеть различий между

фашизмом и коммунизмом, ставить знак равенства между нашими странами и двумя блоками в гигантской схватке XX века, как это делают некоторые.

Казалось бы, очевидная истина. Однако приходится вспомнить, что не сегодня появились попытки иностранных и отечественных авторов пересмотреть отношение к минувшей войне, «переиграть» ее в свою пользу. Впервые эти попытки обнаруживаются как раз в период «оттепели», когда в ряде произведений наших писателей, наряду с осуждением сталинских репрессий, которые были признаны самой партией, с критикой серьезных недостатков в нашей жизни, по сути были поставлены под сомнение развитие общества после октября 1917 года и тем самым наша историческая победа над фашизмом...

В наиболее откровенной и резкой форме чуть ли не впервые это сделал Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» (1962), книги во многом талантливой, но крайне политизированной. В ней в угоду своей политической концепции писатель следует принципу «чума на оба ваши дома», не видит различия между Советским Союзом и фашистской Германией, между Сталиным и Гитлером, между агрессором и жертвой агрессии.

В центр своего повествования писатель поставил важные, актуальные политические проблемы своего времени, в частности, проблему антисемитизма, однако освещает их односторонне, крайне субъективно. В результате в романе «Жизнь и судьба», наряду с яркими и правдивыми образами, есть ошибочные обобщения и суждения, стремление подчинить художественную логику и образность политическим построениям. Не случайно книга была названа политической и «вредной», запрещена к изданию... Сегодня, десятилетия спустя, нам лучше видны не только очевидные недостатки романа, издержки его концепции, но и немалые достоинства, что позволяет нам включать его в список художественных достижений нашей литературы. Хотя, конечно, желание поставить это произведение в один ряд с «Войной и миром» Толстого все же следует отнести к крайностям полемики...

* * *

Роман Гроссмана был попыткой эпопеи. Военная тема была центральной в творчестве Константи́на Симонова; его трилогия «Живые и мертвые» (1960–1971) вызвала заслуженный интерес читателей и критики. Симонов откликнулся на требования времени, чтобы не сказать на политическую конъюнктуру. Это не снижает заслуг писателя в создании широкой панорамной картины войны на протяжении чуть не всего ее срока. В трилогии представлена целая галерея персонажей – от рядовых бойцов до ко-

мандармов, от персонажей, созданных по законам фантазии художника, до образов документального плана. Большой удачей стал образ генерала Серпилина, который нашел в себе силы преодолеть обиду и боль и сделал немало для победы. И это куда большая правда – в жизненном и в художественном смыслах – чем попытка оправдать и героизировать предателей. Такие были и среди рядовых, и генералов, они не могли изжить своих обид, нанесенных властью, предлагая сомнительные услуги нашему врагу под девизом борьбы со сталинским режимом, коммунистами. В конце концов таких, как Серпилин или генерал Карбышев, с их самоотверженностью и подлинным патриотизмом, было больше, чем таких, как Власов... Поэтому мы и победили. Трилогию Симонова, как и произведение Гроссмана, также можно отнести к попыткам создания эпопеи о Великой Отечественной. Но тоже всего лишь попыткой...

* * *

«**Л**ейтенантская проза» – меньше всего батальная литература. Об этом говорил не только Василь Быков. Писателей больше всего интересовало исследование человеческих характеров. Многие герои глубокими корнями были связаны с русской деревней. Не случайно военная и деревенская темы в русской литературе были тесно переплетены в творчестве многих известных писателей – таких, как Михаил Алексеев, Федор Абрамов, Александр Солженицын. Иначе не могло быть, война тяжелым катком прошла по русской деревне, коснулась судеб миллионов русских крестьян. Даже если некоторые из них непосредственно не принимали участия в военных действиях, они сердцем и душой были с теми, кто сидел в окопах, тяжким трудом вносили свой вклад в победу. Это был второй фронт великой битвы с коричневой чумой. На этом фронте были и женщины, и дети. Бесспорно, что в войне участвовал весь народ, и русская проза оттепели убедительно показала это.

В самом деле, разве Матрена из известного рассказа Солженицына может отделить свою судьбу от судьбы народной? Она вместе со всеми переносит тяготы разрухи, голода военных лет; жизнь этой праведницы – поистине подвиг, хотя сама она этого не осознает. Писатель показывает жизненную стойкость, нравственную силу русской женщины, испокон веков тянувшей на себе тяжелый воз забот о семье, о детях, о хлебе насущном. В глубоком тылу происходят многие события в романах М. Алексеева («Хлеб – имя существительное», «Ивушка неплакучая»). В них раскрывается русский мир с его традициями, бытом и романтикой, с его тяготами и радостями, и

этот мир приходится защищать от вражеского нашествия. Писатель не идеализирует его, но он любит его, так как сам плоть от плоти этого мира. Выходец из крестьян, Алексеев прошел долгими дорогами войны и знает цену победы, мира, тишины. Звуки и краски этого мира мы находим в его книгах того времени. Выразительные картины русской жизни в колхозной деревне мы находим и в романах Федора Абрамова «Братья и сестры» (1958), «Две зимы и три лета» (1968)... Автор показывает, как в далекой северной деревне Пекашино люди живут одними мыслями и заботами с теми, кто ушел на фронт. Они получают похоронки на своих отцов и братьев, испытывают боль и страх за своих родных и близких, но только еще сильнее любят свою землю, свой дом, еще больше живут ожиданием вестей с фронта, окончания войны, победы...

В хоре новых литературных имен, заявивших о себе на всесоюзной арене, – Ю.Бондарева, В.Быкова, Ф.Абрамова, В.Астафьева, Д.Гранина и других – зазвучала и «северная нота» Дмитрия Гусарова, сначала негромко, а потом все увереннее... Он прошел почти всю войну ее трудными, огненными дорогами, был тяжело ранен; после войны окончил университет. Был назначен главным редактором журнала «На рубеже», позже переименованном в «Север», проработал там больше тридцати лет.

Первые же произведения Дмитрия Гусарова – повесть «Плечом к плечу» (1949), роман «Боевой призыв» (1953–1957) – были посвящены войне, боям партизан в Карелии. Затем писатель на некоторое время отошел от военной темы, но вско-

ре вновь вернулся к ней: он создал свою лучшую книгу о войне «За чертой милосердия», о славном походе партизанского отряда Григорьева. По жанру это документальное повествование, в котором автор правдиво рассказал как о героизме наших людей в годы войны, так и о трагических судьбах. В этом пафос произведений Д. Гусарова близок к «суровой солдатской правде» лейтенантской прозы «оттепели»...

Анатолий Ананьев называл прозу о войне антивоенной по своему содержанию и направленности. «Прокляты и убиты» – озаглавил свою книгу Виктор Астафьев. Многие герои военной прозы были убиты, но не прокляты. Они в благодарной памяти тех, кто остался жив, кто хорошо знает цену великой Победы в Великой Отечественной. В памяти нас, сегодняшних.

¹ Бондарев Ю. Собр. соч.: В 6 тт. Т.6. 1986. С. 87.

² Чалмаев В. На войне остаться человеком. (Фронтовые страницы русской прозы 60-90-х годов). М., 2000. С. 43.

³ Бондарев Ю. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. М., 1984. С.361.

⁴ Селезнев Ю. Вечное движение. М., 1976. С. 43-44.

⁵ Селезнев Ю. Вечное движение... С. 46.

⁶ См.: Быков В. Вопросы литературы. 1973. №1.

⁷ Дедков И. Возвращение к себе (Литературно-критические статьи). М., 1978. С.209.

⁸ Чалмаев В. На войне остаться человеком... М., 2000. С.60.

Вячеслав Яковлевич САВАТЕЕВ

родился в 1939 г. в Москве.

Критик, литературовед.

Автор нескольких книг и многих статей, посвященных русской литературе XX века, среди них – писателям 1920–30-х годов, военной и послевоенной прозе, периоду «оттепели», современной литературе.

Окончил Московский пединститут, в 1994 году защитил докторскую диссертацию «Художественные искания и кризисные явления в русской советской прозе 1950-80-х гг.».

Работает в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН.

Постоянно публикуется в центральных литературных журналах и газетах.

